

Была высоко, туго перевита
Завязками нарядных башмачков
Лодыжка тонкая. Для знатоков
Она прелакомый была кусочек,
Могла б затмить легко баронских дочек,
Позора ложе с лордом разделить,
Могла б она женой примерной быть
Какого-нибудь йомена, который
По возрасту пришелся бы ей впору.
И вот, друзья, случилось как-то раз,
Завел возню с ней Душка Николас
(Весь день тот был супруг ее в отлучке).
Сначала приложился Душка к ручке,
Но дальше – больше, волю дал рукам
(Умел он ублажать девиц и дам):
«О, утоли любви моей томленье,
Непереносны от тебя мученья!»
Вздыхнул и обнял клерк ее за талью;
«О милая, я изойду печалью!»
Но, как кобыла, что, ярмо почуя,
Брыкнет, взовьется разом, негодуя,
И, отбежав, оцепенеет вдруг,
Она рванулась у него из рук.
«Нет, нет, тебе не дам я поцелуя.
Пусти меня сейчас же! Закричу я!
Прочь руки, говорю тебе, и встань!»
Тут Николас свою отдернул длань,
Но так умильно начал он ласкаться
И убеждать, просить и извиняться,
Что под конец, склонясь к его мольбам,
Стенаниям, и смеху, и слезам,
Она любую милость обещала,
Но не сейчас. «Супруг мой, – объясняла
Она при этом, – бешено ревнив,
И надо, нетерпенье победив,
Ждать случая, не то меня убьет,
Коль ненароком вместе нас найдет!»
А он в ответ: «На что школяр годится,
Коль плотника надуть не изловчится?»
Но все-таки на том и порешили,
Что надо ждать, немного поостыли,
И на прощанье снова Николас,
Обняв ее за талью, много раз
В уста поцеловал, потом, взяв лютню,
Стал воспевать вино, любовь и плутни.
Вот снова наступило воскресенье,
И, получив от мужа позволение,
Пошла она, нарядна и чиста,
К обедне – славить господу Христа,
Ведь каждый раз, как хлопоты кончала,
Она до блеска шею оттирала
И в церковь шла, сияя, словно день.
Стряхнув забот и огорчений тень.
А там с амвона возглашал псалом
Причетник молодой, Авессалом.